Л 12192

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Годъ изданія IV)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. СЕМЕВСКАГО.

IV ФИЛИАЛ

№ 1. Январь. 1916

V ФИЛИАЛ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи

Стр.

Е. А. Ляцкій. Н. Г. Чернышевскій и его диссертація объ искусствѣ 5
М. А. Цявловскій. Тоска по чужбинѣ у Пушкина. 35
В. Коляри. Вильгельмъ Оберданъ. (Изъ исторіи итальянскаго ирредентизма). 61
В. Майскій. Англія и Германія. 75

II. Воспоминанія:

С. И. Сычуговъ. Нѣчто въ родѣ автобіографіи. I. Въ дореформенной бурсѣ 109
М. И. Венюковъ. Въ Польшѣ. II. Крестьянская реформа. . . . 137
Н. I. Шатиловъ. Изъ недавняго прошлаго 165
Ред. О смерти А. Я. Охотникова. 196
В. В. Берви (Флеровскій). Воспоминанія. 202

III. Матеріалы:

В. Н. Смѣльскій. Священная Дружина (изъ дневника ея члена). Съ предисловіемъ *Ф. И. Покровскаго*. 222
С. П. Мельгуновъ. О войнѣ и мирѣ 60 лѣтъ назадъ (письмо 1856). 257

IV. Романъ.

Юлій Словацкій. Серебряный Сонъ саломеи. Драматическій романъ. Переводъ въ стихахъ **В. М. Фишера**. 260

V. Критика и библіографія.

М. Н. Гернетъ. Арсеньевъ К. К. За четверть вѣка **М. П. Чубинскій.** Украинскій вопросъ. Сборникъ. **Н. Н. Полянскій.** Щитъ. Сборникъ. **В. Н. Перцевъ.** Фр. Руффини. Рели-

Стр.

гіозная свобода. **С. Г. Сватиковъ.** Судебная реформа. Подъ ред. Давыдова и Полянскаго. **В. И. Семевскій.** Ю. В. Готье. Очеркъ исторіи землевладѣнія въ Россіи. Новыя книги. 302

А. А. Кизеветтеръ. Новый трудъ Г. В. Плеханова по русской исторіи 324

VI. Рисунки.

Портретъ В. В. Берви. Заставки изъ изданія 1742 г. «Oeuvres de Fontenelle».

VII. Объявленія.

Новый трудъ Г. В. Плеханова по русской исторіи.

Г. В. Плехановъ предпринялъ составленіе «Исторіи русской общественной мысли» съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней. Недавно появившійся въ печати первый томъ этого труда [1]) обнимаетъ собою весь древній періодъ нашей исторіи до начала XVIII столѣтія. Нечего и говорить о томъ, съ какимъ большимъ интересомъ подойдетъ къ этому тому всякій, кто привыкъ посвящать свое вниманіе изученію русской исторіи. Вѣдь въ нашей литературѣ до сихъ поръ не было цѣльной спеціальной работы по исторіи русскаго общественнаго сознанія. Для тѣхъ эпохъ, которыхъ касается первый томъ сочиненія Г. В. Плеханова, мы имѣемъ рядъ очень основательныхъ монографій, посвященныхъ или отдѣльнымъ теченіямъ и моментамъ въ развитіи древне-русской общественной мысли или даже отдѣльнымъ представителямъ того или иного теченія или момента. Но по части сводныхъ обзоровъ эволюціи древне-русской общественной мысли наша историческая литература очень бѣдна. Конечно, относящіяся сюда явленія затрагиваются въ общихъ трудахъ по исторіи русской литературы при обозрѣніи соотвѣтствующихъ произведеній русской письменности; но вѣдь для историка литературы, на какой бы онъ ни стоялъ точкѣ зрѣнія на задачи своего предмета, изученіе исторіи политическаго сознанія общества всегда явится лишь одною изъ частностей въ кругу интересующихъ его вопросовъ, и вотъ почему даже въ такомъ обстоятельномъ трудѣ, какова «Исторія русской литературы» Пыпина, мы найдемъ лишь рядъ отдѣльныхъ наблюденій и замѣчаній, касающихся эволюціи политическихъ общественныхъ воззрѣній въ до-Петровской Руси, но систематическаго построенія хода ихъ развитія искать тамъ было бы напрасно. Весьма интересный опытъ такого построенія данъ П. Н. Милюковымъ во второй части его «Очерковъ по исторіи русской куль-

---

[1]) Исторія русской общественной мысли, т. I. Изданіе Т-ва «Міръ». Москва. 1915 г.

туры», но вѣдь и это не болѣе, какъ эскизъ, не возмѣщающій отсутствія въ нашей литературѣ спеціальнаго труда по исторіи русской общественной мысли до-Петровской эпохи.

Уже въ виду такого состоянія нашей спеціальной литературы опытъ, предпринятый Г. В. Плехановымъ, получаетъ всѣ права на вниманіе читателей. Вниманіе это не можетъ, конечно, не усугубиться въ связи съ личностью автора этого опыта. Никакія разногласія съ общественно-политическими воззрѣніями Г. В. Плеханова не могутъ ни въ чьихъ глазахъ заслонить ни яркаго литературнаго таланта, ни сильнаго и своеобразнаго ума и разносторонней эрудиціи этого замѣчательнаго писателя и крупнаго политическаго дѣятеля. Отъ той или иной книги, написанной Плехановымъ, можно не получить полнаго удовлетворенія, можно рѣшительно разойтись съ ея положеніями и выводами, но совершенно невозможно не найти въ ней пищи для плодотворнаго возбужденія мысли. Плехановъ можетъ написать книгу не совсѣмъ удачную, но онъ не можетъ написать книги не интересной и не заслуживающей вниманія.

Новый трудъ Плеханова не составляетъ исключенія изъ этого правила. Скажемъ сразу: какъ научно-историческій опытъ исторіи русской общественной мысли до-Петровской эпохи, книга Плеханова насъ не удовлетворяетъ. Но какъ собраніе содержательныхъ, тонкихъ и остроумныхъ разсужденій и замѣчаній по вопросамъ, такъ или иначе касающимся указаннаго предмета, книга эта, на нашъ взглядъ, должна быть отнесена къ числу весьма интересныхъ новинокъ нашей исторической литературы.

Г. Плехановъ начинаетъ съ заявленія о томъ, что, согласно раздѣляемому имъ основному догмату историческаго матеріализма,—не бытіе опредѣлятся сознаніемъ, а сознаніе бытіемъ,—онъ считаетъ нужнымъ предпослать исторіи русской общественной мысли очеркъ развитія русскихъ общественныхъ отношеній. Такому вступительному очерку и посвящена почти половина разсматриваемаго тома. Мы приступили къ чтенію этого очерка съ особеннымъ интересомъ. Имѣя въ виду теоретическія предпосылки автора книги, мы ожидали найти здѣсь внимательнѣйшее и детальное разсмотрѣніе возникновенія и послѣдовательнаго измѣненія классоваго строенія древнерусскаго общества вплоть до начала XVIII столѣтія. Мы полагали, что авторомъ будетъ привлеченъ для цѣлей такого разсмотрѣнія весь матеріалъ нашихъ историческихъ источниковъ—и лѣтописныхъ и актовыхъ и законодательныхъ—и, при помощи всѣхъ этихъ данныхъ, будетъ, такъ сказать, распутанъ по отдѣльнымъ ниточкамъ сложный клубокъ общественныхъ отношеній въ до-Петровской Руси и

прослѣжены направленіе каждой изъ этихъ ниточекъ и ихъ взаимныя извилистыя сплетенія. Опираясь на такое изслѣдованіе, авторъ получилъ бы возможность затѣмъ съ полной отчетливостью представить отраженіе интересовъ и стремленій различныхъ классовъ русскаго общества въ произведеніяхъ публицистической литературы соотвѣтствующихъ эпохъ. Конечно, такое изслѣдованіе потребовало бы громаднаго кропотливаго спеціальнаго труда. Но что же дѣлать, noblesse oblige; историку-матеріалисту, объясняющему «сознаніе бытіемъ», отъ такого труда отказываться не приходится, какъ бы ни была громоздка такая задача.

Между тѣмъ г. Плехановъ наполнилъ первую часть своего перваго тома разсужденіями самаго общаго характера, очень интересными, но все же не дающими конкретнаго представленія о всей сложности классоваго строенія древне-русскаго общества. Въ сущности, вся эта первая часть представляетъ собою иллюстрируемый нѣкоторыми историческими примѣрами общій трактатъ о степени и характерѣ своеобразія русскаго историческаго процесса. Конечно, мы вполнѣ признаемъ всю важность этого вопроса; мы полагаемъ также что поднятіе этого вопроса очень своевременно въ виду тѣхъ одностороннихъ и запутанныхъ отвѣтовъ на него, которые даются различными изслѣдователями. Мы съ удовольствіемъ констатируемъ, что г. Плехановъ, при разсмотрѣніи этого вопроса, намѣчаетъ линію, представляющуюся намъ наиболѣе правильной и наиболѣе свободной отъ увлеченія въ ту или иную сторону.

Чуть ли не за все время существованія русской исторіографіи въ ней боролись по указанному вопросу два прямо противоположныя теченія. Одни историки настаивали на полномъ своеобразіи русскаго историческаго процесса. Другіе хотѣли видѣть въ исторіи Россіи не что иное, какъ воспроизведеніе тѣхъ же самыхъ явленій, которыя наполнили историческую жизнь западно-европейскихъ странъ. Первые исходили изъ того положенія, что русскую жизнь нельзя мѣрить европейскимъ аршиномъ; вторые утверждали, что Россія страна европейская и ничто европейское не должно быть ей чуждо.

Мысль о рѣзкомъ своеобразіи русскаго историческаго процесса отличалась необычайной живучестью въ общественномъ сознаніи. Эта мысль пережила не одну смѣну философско-политическихъ идеологій, властвовавшихъ поочередно надъ умами русской интеллигенціи, и при каждой изъ такихъ смѣнъ теорія своеобразія русскаго историческаго развитія лишь перестраивалась въ своей аргументаціи и въ своей формулировкѣ. Славянофилы обосновывали эту теорію на гегеліянскомъ ученіи о раскрытіи въ исто-

рической жизни различныхъ народовъ отдѣльныхъ сторонъ міроваго разума; основоположники народничества выводили ту же теорію изъ своей вѣры въ возможность для Россіи непосредственно перейти отъ первобытныхъ общественныхъ формъ прямо въ золотой вѣкъ соціализма, минуя посредствующіе этапы капиталистической культуры; наконецъ, крупнѣйшіе представители научно-реалистической школы новаго времени подчеркивали своеобразіе русскаго историческаго процесса на основаніи своихъ наблюденій надъ цѣлымъ рядомъ особенностей нашего историческаго прошлаго, проистекавшихъ изъ своеобразнаго сочетанія историческихъ факторовъ; при этомъ историки порою переоцѣнивали значеніе такого своеобразія, не всегда отличая различія количественныя отъ различій качественныхъ.

Какъ бы то ни было, указанія на своеобразность русскаго историческаго процесса были весьма многообразны и настойчивы, и значеніе ихъ оказывалось тѣмъ болѣе внушительнымъ, что какъ мы только что видѣли онѣ сохраняли свою силу подъ покровомъ самыхъ разнородныхъ историческихъ міросозерцаній.

Въ послѣднее время все сильнѣе стала обнаруживаться реакція противъ недавнихъ увлеченій теоріей своеобразія русскаго историческаго развитія. Думается, что немалую роль сыграли въ появленіи этой реакціи обнаруживавшіеся въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка успѣхи русскаго капитализма со всѣми присущими капиталистическому развитію послѣдствіями: вѣдь эти успѣхи русскаго капитализма такъ рѣзко противорѣчили былымъ народническимъ ожиданіямъ и упованіямъ, а слѣдовательно въ связи съ этими успѣхами не могъ не поколебаться и былой авторитетъ теоріи своеобразія русскаго историческаго развитія [1]). Одновременно съ этимъ и въ спеціальной литературѣ, посвященной изученію отдаленнаго отъ насъ историческаго прошлаго,

---

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣній считаемъ необходимымъ оговорить, что Н. К. Михайловскій, самый видный идеологъ позднѣйшаго такъ называемаго критическаго народничества, еще въ 1878 году въ «Литературныхъ замѣткахъ»... писалъ: «Пора бы намъ перестать толковать объ отличіи историческихъ путей, коими слѣдуетъ наше отечество отъ тѣхъ, которыми шла и идетъ Европа». (Соч. т. IV. стр. 572). Касаясь развертываемой В. В. (въ книгѣ «Судьбы капитализма въ Россіи») перспективы «оригинальнаго, пожалуй, самобытнаго пути развитія русской жизни», Н. К. Михайловскій говорилъ въ 1883 г. въ тѣхъже «Отечественныхъ Запискахъ»:... «для истиннаго пониманія его (т. е. В. В.) оригинальнаго тезиса о невозможности у насъ капиталистическаго строя, въ противоположность Европѣ, гдѣ онъ имѣетъ свои raisons d'être; для правильнаго пониманія этого тезиса надо имѣть въ виду, что капиталистическій строй въ Европѣ не такъ ужъ господствуетъ, какъ обыкновенно думаютъ, а у насъ не такъ уже отсутствуетъ, чтобы *даже для отдаленнаго будущаго можно было бы противополагать наши экономическіе порядки европейскимъ*». («Письма посторонняго». Соч. т. V. стр. 782). Уже приведенныя цитаты показываютъ, что въ обобщеніи народнической идеологіи приходится быть осторожнымъ. *Ред.*

были выдвинуты нѣкоторыя новыя построенія, позволявшія проводить аналогію между русскимъ и западно-европейскимъ историческимъ процессомъ гораздо дальше, нежели это допускалось въ историческихъ трудахъ прежняго времени. Я разумѣю новыя изысканія по исторіи русскаго феодализма Павлова-Сильванскаго и его послѣдователей.

Такъ, въ цѣпи русскаго историческаго развитія сразу оказались налицо два звена, на предполагаемомъ отсутствіи которыхъ въ значительнѣйшей мѣрѣ основывали свои заключенія сторонники теоріи своеобразія русскаго историческаго процесса. Зародыши русскаго феодализма въ прошломъ и русскій капитализмъ въ настоящемъ составили краснорѣчивѣйшее свидѣтельство тѣснаго единства русскаго культурнаго развитія съ западно-европейскимъ.

И вотъ, если еще не такъ давно чувствовалась необходимость противостоять чрезмѣрнымъ литературнымъ увлеченіямъ теоріей своеобразія русской исторіи, то въ послѣднее время приходится уже наблюдать чрезмѣрныя увлеченія прямо противоположнаго свойства. Въ текущей исторической литературѣ становится до извѣстной степени какъ будто признакомъ «хорошаго тона» стремленіе выдвигать на первый планъ элементы сходства русскаго и западно-европейскаго историческихъ процессовъ, а наиболѣе нетерпѣливые по части быстрыхъ обобщеній писатели готовы даже понимать это сходство въ смыслѣ полнаго тождества. И мы готовы спросить: не пора ли уже направить напоминанія о необходимости изслѣдовательской осторожности по новому адресу, не пора ли напомнить, что въ интересахъ соблюденія исторической перспективы элементъ своеобразія во всякой мѣстной (въ томъ числѣ и русской) исторіи столь же мало долженъ быть игнорируемъ, какъ и элементъ единства основныхъ линій историческаго развитія различныхъ народовъ?

Г. В. Плехановъ, очевидно, также признаетъ необходимость и своевременность этого напоминанія и чрезъ всю вступительную часть перваго тома его труда красной нитью проходитъ стремленіе намѣтить средне-пропорціональную линію между элементами своеобразія русскаго историческаго процесса и элементами его сходства съ историческимъ развитіемъ западно-европейскихъ странъ.

Мы совершенно примыкаемъ къ тому положенію Плеханова, что пора отказаться отъ мысли о необходимости выбирать между теоріей чистаго своеобразія и теоріей чистой тождественности русскаго историческаго процесса сравнительно съ западно-европейскимъ. Единственно плодотворной задачей научно-историческаго

изученія является изслѣдованіе *относительнаго своеобразія* русскаго историческаго процесса. Это относительное своеобразіе заключается въ томъ, что основныя явленія нашей исторіи сходны качественно съ соотвѣтствующими процессами западно-европейской исторической жизни, но отличаются отъ нихъ *количественно*. Мы, съ своей стороны, предложили бы такую формулировку для этой совершенно правильной на нашъ взглядъ мысли Плеханова: содержаніе нашей исторіи слагается изъ тѣхъ же основныхъ процессовъ, которые наполняютъ исторію и другихъ странъ европейской культуры, но у насъ тѣ же процессы развертываются болѣе медленнымъ темпомъ и получаютъ менѣе заостренныя формы своего внѣшняго выраженія, благодаря особенностямъ той мѣстной географической и исторической обстановки, среди которой они разыгрываются: въ этомъ именно и состоитъ количественное относительное своеобразіе русскаго историческаго процесса.

Плехановъ нѣсколько иначе формулируетъ свое пониманіе этого относительнаго своеобразія. Онъ слишкомъ усиленно упираетъ на смѣшеніе въ составѣ русской культуры европейскихъ и азіатскихъ началъ. Онъ придаетъ слишкомъ большое значеніе промежуточному положенію Россіи между Европой и Азіей, и, кажется, готовъ видѣть главнѣйшее выраженіе относительнаго своеобразія русской исторіи именно въ томъ, что Россія всегда была «слишкомъ европеизирована сравнительно съ Азіей и недостаточно европеизирована сравнительно съ Европой» (с. 130). Г. Плехановъ оперируетъ при этомъ противопоставленіемъ двухъ типовъ государственнаго развитія—европейскаго, приводящаго къ правомѣрнымъ формамъ государственной жизни, и азіатскаго (очевидно терминъ «Азія» употребляется тутъ не въ географическомъ, а въ какомъ либо другомъ смыслѣ, ибо подъ «азіатскій» типъ Плехановымъ подводится и древній Египетъ), приводящаго къ установленію деспотіи. Въ русской жизни, по теоріи Плеханова, всегда зрѣли зачатки культуры европейскаго типа, но мѣстныя условія, обрекавшія Россію на экономическую отсталость, давали тѣмъ самымъ перевѣсъ азіатскимъ стихіямъ въ составѣ русскаго историческаго развитія, и русское государство отливалось въ форму слабо европеизированной восточной деспотіи. Эта постоянная борьба европейскихъ и азіатскихъ началъ, при которой первыя никогда совершенно не исчезали, а вторыя всегда рѣшительно преобладали, и обусловливала собою, по мнѣнію Плеханова, относительное своеобразіе русскаго историческаго процесса.

Схема эта подкупаетъ своей ясностью, простотой, законченностью. Но намъ думается, что въ этой выпуклой законченности ея и заключается ея недостатокъ. Многое въ этой схемѣ насъ не

удовлетворяетъ. Г. Плехановъ предлагаетъ свести очень сложный историческій вопросъ къ математически прямолинейной формулѣ: Россія=Европа+Азія; слѣдовательно, за вычетомъ изъ Россіи всего европейскаго, весь остатокъ цѣликомъ объясняется изъ русской азіатчины. Все ясно и осязательно-наглядно.

Однако, историческіе процессы всегда сложны и извилисты. Для разъясненія ихъ всего менѣе пригодны законченно-отчеканенныя математическія формулы. И мы полагаемъ, что при внимательнѣйшемъ анализѣ фактовъ неизбѣжно оказалось бы: 1) что лишь въ чрезвычайно условномъ смыслѣ можно говорить о какихъ-то опредѣленно законченныхъ типахъ историческаго развитія—европейскомъ, азіатскомъ и т. п.; 2) что элементы своеобразія русскаго историческаго развитія опредѣлялись въ извѣстной мѣрѣ условіями, одинаково несходными ни съ европейскими, ни съ азіатскими культурами, ибо вѣдь нѣтъ никакой ни логической, ни исторической обязательности въ томъ, чтобы все, что «не Европа», непремѣнно было бы «Азіей». Мы думаемъ, что московское государство XVI—XVII вв. существенно отличалось не только отъ феодальныхъ монархій западной Европы, но и отъ древне-восточныхъ деспотій, какъ, впрочемъ, и сами эти древневосточныя деспотіи существенно отличались другъ отъ друга, вовсе не представляя собою безусловно одноформеннаго шаблона, и, наконецъ, 3) что въ исторіи самихъ древневосточныхъ деспотій современная историческая наука открываетъ процессы, знакомые западно-европейскому историческому прошлому, откуда и вытекаетъ, что даже и въ тѣхъ элементахъ нашей древней исторіи, въ которыхъ Плехановъ усматриваетъ антиевропейскую «азіатчину», можетъ отыскаться на повѣрку гораздо больше «европейскаго», нежели ему представляется.

Разумѣется, я и не думаю отрицать крупной роли азіатскихъ стихій въ нашемъ историческомъ прошломъ. Я хочу только указать на рискованность слишкомъ схематическаго противопоставленія европейскихъ и азіатскихъ стихій. Многія «несходства» въ явленіяхъ нашего прошлаго съ современными этимъ явленіямъ процессами по ту сторону нашего западнаго рубежа, объясняются не столько преобладаніемъ «азіатчины» [1]) въ древне-русской жизни, сколько медленностью прохожденія нами общеевропейскаго пути: гдѣ Плехановъ иногда видитъ въ Россіи «Азію», тамъ передъ нами порою на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ запоздалое повтореніе европейскихъ задовъ, да при томъ еще повтореніе усѣчен-

---

[1]) Ставлю здѣсь этотъ терминъ не въ географическомъ, а въ томъ переносномъ смыслѣ, въ которомъ его употребляетъ и Плехановъ.

ное и болѣе тускло выраженное въ силу болѣе медленнаго темпа нашего экономическаго и соціальнаго развитія. Съ этой точки зрѣнія Россія есть въ гораздо большей мѣрѣ «запаздывающая Европа», нежели «европеизующаяся Азія», какъ думаетъ Плехановъ.

Итакъ, мы очень высоко цѣнимъ ту заслугу Плеханова, что онъ выдвигаетъ правильную мысль объ «относительномъ своеобразіи» русскаго историческаго процесса, но мы полагаемъ, что вопросъ объ этомъ «относительномъ своеобразіи» болѣе сложенъ, чѣмъ представляется нашему автору и что для разъясненія этого вопроса требуется болѣе извилистый и болѣе дробный анализъ фактовъ нашего историческаго прошлаго, нежели тотъ, который мы находимъ во вступительномъ очеркѣ разсматриваемаго тома.

Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ очеркѣ г. Плехановъ удѣляетъ не мало мѣста полемикѣ съ нѣкоторыми обобщающими замѣчаніями Соловьева, Ключевскаго и нѣкоторыхъ другихъ историковъ, при чемъ полемика эта носитъ нерѣдко характеръ гораздо болѣе словесный, нежели реальный, и притомъ грѣшитъ еще тѣмъ, что критикъ, возражая названнымъ историкамъ, не всегда отличаетъ ихъ основныя обобщенія отъ попутно сдѣланныхъ ими бѣглыхъ замѣчаній. Въ положительной же части своего изложенія г. Плехановъ опять таки беретъ историческіе процессы древнерусской жизни въ самыхъ общихъ и широкихъ ихъ очертаніяхъ, не вдаваясь въ детальный ихъ анализъ; ходитъ больше по опушкѣ дремучаго лѣса историческихъ фактовъ, не заглядывая въ его чащу, и порою предпочитаетъ дедуцированіе своихъ положеній изъ нѣкоторыхъ общихъ предпосылокъ обслѣдованію фактовъ во всей ихъ конкретности. Могутъ сказать, что для вступительнаго очерка достаточно и этого. Но вѣдь самъ авторъ смотритъ на это вступленіе, не какъ на простое изложеніе нѣкоторыхъ предварительныхъ соображеній, а какъ на основаніе всего дальнѣйшаго содержанія своего труда согласно тезису: «сознаніе опредѣляется бытіемъ». Вотъ почему этому «бытію» и можно было бы удѣлить здѣсь больше вниманія, не только въ формѣ общей характеристики главнѣйшихъ его очертаній, но и въ формѣ болѣе дробнаго разсмотрѣнія всѣхъ составныхъ его элементовъ. Несомнѣнно, отъ этого не могла бы не выиграть и спеціальная часть разбираемаго труда посвященная исторіи «сознанія».

Въ этой спеціальной части четыре главы отведены «движенію общественной мысли» въ московскомъ государствѣ до начала смутнаго времени. Каждая изъ этихъ главъ посвящена какой-либо отдѣльной сторонѣ этого движенія общественной мысли. Такъ въ первой главѣ разсматривается «движеніе общественной

мысли подъ вліяніемъ борьбы духовной власти съ свѣтской». Въ этой главѣ, впрочемъ, главное мѣсто отведено Никону т.-е. XVII вѣку, при чемъ авторъ пользуется извѣстнымъ изслѣдованіемъ проф. Каптерева. На XV—XVI вв. авторъ останавливается мало, хотя матеріала для освѣщенія даннаго вопроса тамъ нашлось бы довольно много.

Во второй главѣ рѣчь идетъ о «движеніи общественной мысли подъ вліяніемъ борьбы дворянства съ боярствомъ». Вся эта глава исчерпывается характеристикой произведеній Пересвѣтова. Авторъ пользуется изслѣдованіемъ г. Ржиги и при этомъ проводитъ интересное сопоставленіе между воззрѣніями Пересвѣтова и Жана Бодэна, показывая, какъ различались идеологіи этихъ двухъ теоретиковъ монархизма въ зависимости отъ того, что первый изъ нихъ выражалъ стремленіе землевладѣльческаго дворянства, а второй—стремленія и понятія третьяго сословія.

Третья глава трактуетъ о «движеніи общественой мысли подъ вліяніемъ борьбы дворянства съ духовенствомъ». Содержаніе этой главы сводится къ разсмотрѣнію «Бесѣды Валаамскихъ чудотворцевъ». Четвертая глава посвящена «движенію общественной мысли подъ вліяніемъ борьбы царя съ боярствомъ». Здѣсь разбирается полемика Ивана IV съ Курбскимъ.

Такое разсѣченіе движенія общественной мысли по четыремъ рубрикамъ имѣетъ конечно свои методологическія удобства. Но, съ другой стороны, оно неизбѣжно вредитъ цѣльности изображенія всего движенія въ совокупности. Вѣдь въ дѣйствительности всѣ эти вопросы тѣсно переплетались между собой и обусловливали другъ друга. Полезно прослѣдить поочередно развитіе каждаго изъ нихъ, но затѣмъ необходило разсмотрѣть также и ихъ послѣдовательно развивающееся взаимодѣйствіе. Намъ думается, что на эту вторую задачу г. Плехановъ обратилъ недостаточное вниманіе и потому данное имъ изображеніе идейной борьбы на Руси XV—XVI вв. не передаетъ всей ея дѣйствительной пестроты и сложности. При томъ же, г. Плехановъ далеко не использовалъ всего матеріала, относящагося до затронутыхъ имъ вопросовъ. Читатель ничего не узнаетъ изъ его книги объ исторіи зарожденія и развитія теоріи о трехъ Римахъ и о вліяніи этой теоріи на постановку ряда политическихъ вопросовъ въ московской публицистикѣ. Идеологія «заволжцевъ» совсѣмъ куда-то пропала подъ перомъ г. Плеханова. О такой характерной фигурѣ въ исторіи движенія общественнной мысли той эпохи, какъ Вассіанъ Патрикѣевъ, не сказано ничего. Не прослѣживая во всей подробности филіаціи политическихъ идей въ русскомъ обществѣ XV—XVI ст., г. Плехановъ не даетъ также

полной картины того, какъ реагировала тогдашняя общественная мысль на обсужденіе выдвигавшихся на очередь государственныхъ реформъ. Онъ останавливается на разсужденіяхъ Пересвѣтова, сюда относящихся; но вѣдь не только Пересвѣтовъ занимался съ перомъ въ рукахъ такими разсужденіями. Г. Плеханову, напр., повидимому, неизвѣстно любопытное разсужденіе о назрѣвшихъ реформахъ, относящееся къ XVI ст. и подробно разобранное проф. Богословскимъ въ «Трудахъ московской археографической комиссіи». Ограничимся этими бѣглыми указаніями на допущенные авторомъ пробѣлы, хотя ихъ можно было бы значительно умножить.

Дѣло не ограничивается фактическими пробѣлами. Недостаточно подробное разсмотрѣніе г. Плехановымъ исторіи «бытія» отражается на недостаточно всестороннемъ разъясненіи нѣкоторыхъ важныхъ явленій въ исторіи «сознанія». Такъ, напримѣръ, для исторической интерпретаціи переписки Ивана IV съ Курбскимъ совершенно необходимо подробное и отчетливое изученіе исторіи переработки общественно-политическаго строя сѣверовосточныхъ удѣльныхъ княжествъ въ государственный строй Московской Руси. Не остановившись въ своей книгѣ на такомъ изученіи, г. Плехановъ лишилъ себя возможности вскрыть подлинную историческую подкладку многихъ заявленій, требованій и споровъ, вокругъ которыхъ вращалась публицистическая полемика XV—XVI ст. Можетъ быть, и г. Плехановъ при свѣтѣ такого изученія отвелъ бы въ объясненіи идей Курбскаго меньшую роль впечатлѣніямъ, полученнымъ этимъ княземъ въ Литвѣ, и нашелъ бы, наоборотъ, больше основаній для того, чтобы возвести возникновеніе этихъ идей къ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ въ самой Руси возникновеніе московскаго государства.

Остальная часть книги посвящена эволюціи общественной мысли во время Смуты въ XVII столѣтіи. Врядъ ли можно присоединиться къ выдвигаемому г. Плехановымъ тезису о томъ, что событія смутнаго времени не внесли никакихъ существенныхъ измѣненій въ общественное міровоззрѣніе русскихъ людей. Литературныя произведенія, вызванныя событіями смутнаго времени, свидѣтельствуютъ о противномъ. Г. Плехановъ слишкомъ бѣгло коснулся этихъ произведеній, чѣмъ и объясняется его ошибочный выводъ. Напрасно, нашъ авторъ не посчитался, наприм., съ прекрасной статьей А. И. Яковлева: «Безумное молчаніе», помѣщенной въ Сборникѣ въ честь В. О. Ключевскаго, гдѣ весьма тонко очерчена эволюція общественныхъ взглядовъ, отразившаяся въ запискахъ современниковъ о Смутѣ.

Главы, посвященныя XVII столѣтію, почти исключительно трактуютъ о «западничествѣ» москвичей того вѣка. Здѣсь авторъ вполнѣ основательно, хотя, быть можетъ, и съ излишней пространностью, показываетъ справедливость давно выдвинутаго въ литературѣ указанія на связь возникновенія этого западничества съ военно-финансовыми нуждами московскаго государства. Плехановъ усердно полемизируетъ при этомъ съ М. Н. Покровскимъ, выступившимъ съ весьма неудачной критикой этого укрѣпившагося въ нашей литературѣ положенія. Въ этомъ полемическомъ экскурсѣ побѣда достается Плеханову слишкомъ легко, и, можетъ быть, именно поэтому и не было особенной надобности удѣлять разбору сужденій М. Н. Покровскаго по данному вопросу такъ много мѣста. Томъ заканчивается краткими характеристиками Хворостинина, Ордина-Нащокина, Котошихина и Крижанича, какъ первыхъ «западниковъ и просвѣтителей».

Не умѣемъ отвѣтить на невольно представляющійся вопросъ: почему въ исторіи движенія общественной мысли въ Россіи XVII в. авторъ ни словомъ не коснулся умственнаго броженія, связаннаго съ расколомъ?

Таковъ новый трудъ Г. В. Плеханова. Кончу тѣмъ, съ чего началъ. Разсмотрѣнная книга, какъ и все, выходящее изъ-подъ пера Плеханова, вызываетъ живой интересъ обиліемъ соображеній мѣткихъ, остроумныхъ, тонкихъ и блестяще выраженыхъ. Но съ появленіемъ этой книги задачу составленія исторіи русской общественной мысли въ до-Петровской Руси нельзя считать разрѣшенной. Впрочемъ, для разрѣшенія этой задачи и вообще требуется еще не мало предварительнаго кропотливаго монографическаго изученія цѣлаго ряда относящихся сюда отдѣльныхъ вопросовъ.

А. Кизеветтеръ.

Редакторъ-издатель **С. П. Мельгуновъ.**

1.879.